

Книги

СТРАТЕГИИ ДЛЯ МИРА: ВЗГЛЯД ИЗ АНГЛО-АМЕРИКИ*

Выход в свет русского издания книги М. Тэтчер, несомненно, яркое событие для российской политической науки. Огромный жизненный опыт бывшего британского премьера, ее успешная работа, позволившая вывести дряхлеющую Британию на ведущие позиции в Европе, дают ей право делать широкие обобщения, видеть важные тенденции не только европейского, но и мирового развития. Она наряду с У. Черчиллем – крупнейший политический деятель Британии XX в., а во многом и превосходит его. Тэтчер всегда отличала четкость в суждениях, верность своим убеждениям и решительность в делах. Вовсе не случайно ее называли “железная леди”. Эта решительность буквально сквозит в каждом разделе книги, но подчас она перерастает в категоричность и потому – в спорность ряда тезисов. Очевидно, многим российским читателям ее излишне менторский тон и национальный эгоизм не придется по душе, а отдельные ее оценки вызовут протест. Но не нужно обольщаться: политика Британии веками несла в себе заметную долю коварства. И в этом Тэтчер не новее своих предшественников. Она – откровенный, но не всегда удобный политический оппонент.

Главной особенностью книги является то, что автор дает оценку мировым событиям не с позиций Британии, а с позиций Англо-Америки. Союз с США для Тэтчер столь же естественен, как и предопределен свыше. Британию сегодня нельзя рассматривать в отрыве от Америки. И если недавно Т. Блэр достаточно витиевато оправдывался, почему он безоговорочно поддерживает все внешнеполитические решения Вашингтона, то для Тэтчер этот союз имеет глубинный смысл. Для Британии союз с США – это еще и средство ее выживания перед надвигающимися проблемами. Тэтчер в это верит и глубоко чувствует. Вторая особенность – извеч-

ный спор консерваторов и лейбористов, правых и левых о путях развития страны.

Первый раздел книги посвящен глобализму, по расхожему мнению, ведущему к “концу государства”. Тэтчер не верит в его конец; глобализм лишь в какой-то мере ограничивает власть государства, не позволяя ему делать то, что оно вообще не должно делать (с. 16). Неоконсервативный взгляд позволяет усмотреть в глобализме позитив: сегодня правителям, допустившим ошибки в управлении людьми и ресурсами, труднее их скрыть. В противовес глобализму национальное государство позволяет сохранять самобытность, обладает монопольным правом на принуждение (подавление преступности, отражение внешней угрозы). Поэтому оно всегда будет оставаться важным элементом международных отношений. М. Тэтчер допускает только один тип глобализма – экономический и призывает не обольщаться: желаемых результатов в политике можно добиться только через силу. Силу государства.

В книге ставится важный вопрос – насколько соотносимы сила и мораль в политике государства? Они, скорее всего, как сощающиеся сосуды. На принципы надо опираться до тех пор, пока они не начинают действовать как удавка (с. 20). Порядок в мире может поддерживаться только на основе уважения к нациям и национальным государствам. Главным мерилом управления государством является решение вопроса, что делать перед лицом войны. Поставленная во главу угла по следам событий 11 сентября 2001 г. задача разгрома терроризма временно допускает сближение с не удовлетворяющими США и Британию режимами, но не более.

М. Тэтчер достаточно откровенно говорит о своих симпатиях и антипатиях. Она высказывает опасения по поводу объединения Германии, стремящейся к формированию державы в центре Европы. Неудовлетворение вызывает политика Франции и Китая, которые молчаливо противостоят англо-американской оси, дезавуируют их твердую позицию в СБ ООН и т. д. Слабым

* Тэтчер Маргарет. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. Перевод с английского. – М: Альпина паблишер, 2003. – 503 с.

политиком считает М. Горбачева, так и не понявшего сути произошедших в мире перемен. В противовес ему признается огромная роль Р. Рейгана в трансформации мира и отстаивании западных ценностей. Высокая оценкадается спокойному и целеустремленному руководству чешского президента В. Гавела.

По убеждению Тэтчер, Запад победил в противостоянии с СССР, а тезис Горбачева о том, что "победителей нет" служит лишь слабым утешением ему самому. Р. Рейган стал архитектором этой победы. Ему удалось отбросить некоторые из теорий типа "конвергенции Дж. Гелбрейта", заставлявшие западные умы отыскивать достоинства в советской системе и надеяться на ее эволюцию в сторону демократии. Пока администрации Никсона, Форда и Картера шли на компромисс с Советским Союзом, тот наращивал вооружения и военное присутствие в различных частях мира. Но, считает Тэтчер, лишь стоило в США появиться президенту, открыто взявшему курс на военное превосходство, как СССР разоружился, а вскоре и развалился. При этом она, конечно же, предпочитает не говорить о тех глубоких внутренних социально-политических трансформациях, произошедших в нашей стране в конце XX в., сыгравших более существенную роль в распаде Союза по сравнению с внешним воздействием.

Размышляя об англо-американском союзе, Тэтчер подмечает, что американская революция отличалась от других тем, что, реализуясь через войну и ставя в качестве целей мир и процветание, она не имела программ социального и культурного преобразования (с. 47). В этом ее колossalная движущая сила. Только Америка теперь имеет моральное право и материальную основу занимать место мирового лидера. Союзники должны рассматривать миссию Америки как основу для выработки собственной миссии. Америка – вот главный победитель в "холодной войне" и до недавнего времени ей удавалось избежать зависти по причине того, что у нее не было территориальных притязаний за пределами ее полуширья. Лидерство ее неоспоримо, хотя США все труднее играть отведенную им роль. Многим она не нравится, например Франции, которая последнее время активно проводит линию "коллективного руководства". Такой язык обожает Пекин. Исламисты все сильнее ставят под сомнение роль Америки. В этих условиях у нее возникают два соблазна – изоляционизм и использование силы (интервенция). Оба пути таят опасности.

М. Тэтчер не соглашается с теорией "нового мирового порядка" Дж. Буша-старшего, приведшей к серии непродуктивных силовых акций в пострейгановский период – в Сомали, на Гаити, в Косово (без санкций ООН). В этих условиях левое правительство Т. Блэра не нашло ничего лучшего, кроме как "горячо поддерживать Б. Клинтона". Доктрина "интернационального общества" нынешнего британского премьера – концептуально зыбкая и представляет собой установку на неразбериху, распыление сил и, в конечном итоге, уход от глобальной ответственности.

Тэтчер критикует деструктивную роль СМИ в освещении военных кампаний, например применительно к Косово. Не ставя под сомнение необходимость ударов по Милошевичу, она считает, что акцент СМИ на страданиях людей означал давление на силы вмешательства. Драматизируя горе семей погибших, СМИ тем самым подрывали решимость союзников сражаться. Интервенция под предлогом "гуманитарного вмешательства" чревата последствиями для тех, кто вторгается. Операция же против "талибан" и бен Ладена оправданна, моральна и необходима. В целом военное вмешательство должно иметь четкие цели, быть разумным. Нелепо думать, что Запад сможет все переделать! Но если уж вмешательство происходит, необходимо сражаться до победы.

Что же касается современных демократий, то они слабы в плане поддержания постоянной боеготовности, быстро успокаиваются. Феминизация армии – самая пагубная вещь среди военных реформ, в армии недопустимы нормы гражданской жизни. Постоянная боеготовность – основное условие выживания. Сейчас европейцы безответственно снижают военные расходы, не повышают качество вооруженных сил, и только США увеличивают ассигнования на оборону.

Но и Америке надо помнить, что обладание передовыми технологиями – еще не залог победы. Нужно совершенствовать ядерное оружие, избавление от которого – иллюзия. Здесь М. Тэтчер делает откровенный вывод: в конечном итоге ядерное оружие, вероятно, будет использовано (с. 75). После конфронтации, когда было совершенно очевидным, что ни НАТО, ни ОВД не применит его, наступил период опасности его использования со стороны стран-изгоев. Угроза от их ракет реальна, и единственное спасение в создании глобальной системы ПРО (с. 85).

Для российского читателя большой интерес представляет раздел об СССР и России.

По мнению М. Тэтчер, коммунизм пытался идти против человеческой натуры и именно поэтому оказался несостоятельным. Его стремление нивелировать индивидуальные особенности не давало возможности мобилизовывать индивидуальные таланты, что принципиально важно для создания материальных ценностей. Тэтчер признает, что сдерживающей Советский Союз силой была КПСС. В нынешней России, по ее мнению, сильно влияние независимых факторов. Неправомерно оценивать, что Россия идет к прогрессу или регрессу. Это череда изгибов и поворотов, процессов интеграции и дезинтеграции, реформ и реакций, возникающих попеременно, а то и одновременно (с. 97).

До сих пор в России сказывается историческое бремя самодержавия, которое не признавало ничьих прав собственности, кроме своих, действовало указами, а не законом, не закладывало основ среднего класса, не допускало контроля над своей властью. Вот почему историки лучше понимают Россию, нежели советологи. Советы приняли и углубили традиционное царское неприятие альтернативных источников власти, отношение к свободе мысли, собственности, равенству перед законом (с. 100). Нынешняя преступность родилась в недрах коммунистической системы, и россияне воспринимали ее как способ ведения дел. По оценке Тэтчер, в стране действует 3–4 тыс. преступных группировок, контролирующих 40% рынка товаров и услуг. Попытки реформировать экономику постоянно натыкаются на беззаконие. В результате нет смысла в полномасштабном участии МВФ в процессых в России процессах. Стране нужна помощь независимого свойства. Россия представляет слишком большую опасность, чтобы позволить ей дойти до полного краха. На фоне борьбы за перераспределение ресурсов страна умирает. Смертность превышает рождаемость, продолжительность жизни – менее 61 года. В этих условиях Западу нужно проявить терпение и помочь российским предпринимателям разобраться, что имеет отношение к капитализму, а что – нет.

М. Тэтчер считает, что в таких условиях Россия может быть военным партнером лишь условно. Ее политика в Косово, например, регламентировалась лишь стремлением получить транш от Запада в размере 4,5 млрд. долларов. Состояние ее армии в целом плачевное, а поддержание ядерного паритета с США является непосильным бременем. В любом случае во взаимоотно-

шениях с Россией на первом месте должны стоять интересы безопасности Запада. Масштабы страны дают России уникальные возможности по вмешательству во внутренние дела других государств. Вот почему страны Балтии необходимо принять в НАТО, а Украина должна стать буфером между Россией и НАТО.

И, тем не менее, с Россией, с Путиным нужно сотрудничать, не позволяя при этом дестабилизировать обстановку в государствах бывшего СССР. Но не обольщаться на этот счет подобно Т. Блэр, который видит в российских руководителях "современно мыслящих деятелей". В программе нынешнего Президента России мало положительных моментов, он склонен к диктатуре.

Здесь от оценок бывшего британского премьера веет духом "холодной войны", которую она считает завершенной. Грустно, например, но она не видит среди новой генерации российских государственных деятелей никого, кроме до боли знакомых Б. Немцова и А. Чубайса. Требуя от России принятия европейских норм, Тэтчер утверждает, что Россия по своему менталитету – не Европа. Тогда как же быть с идеей самобытности наций? Здесь она не оригинальна, как не оригинальны в свое время были советские руководители, дававшие свои рецепты развития множеству стран мира. Что из этого вышло – все знают.

А что же дальше? Азию отличает ее неизменность, но практически везде, где хозяинчили британцы, она оставили после себя высокий потенциал развития и основу демократии. Взять хотя бы азиатских "тигров". Так, в наследие Сингапуру Британия оставила законность, честную администрацию и дух этнической терпимости. В Азии поняли, что только опора на интеллект дает процветание. Индонезия – еще одно динамично развивающееся государство. Много лестных слов Тэтчер говорит о Японии. В то время как Китай поднялся на ожесточенную борьбу с Западом, Япония приняла его, но сохранила самобытность. Эта причудливая смесь Востока и Запада дала ей невиданный толчок в развитии, чему не смогли помешать такие сдерживающие факторы, как корпоративизм, политика ограничения конкуренции, зависимость от дешевого финансирования со стороны государственных и частных банков. На этом фоне слабые отрасли (пищевая) не выпадают, а японский капитализм имеет резервы. Запад заинтересован в укреплении японских вооруженных сил в противовес Китаю, а система ПРО должна прикрыть ее территорию. Однако

было бы ошибкой включить Японию в число постоянных членов СБ ООН, что исторически предопределено их способностью отстаивать свои интересы с помощью ядерного оружия.

Коммунистический Китай – еще одна держава, оказавшаяся в выигрыше в результате окончания “холодной войны”. Три фактора формируют нынешнюю политику Китая – чувство превосходства над другими, ощущение уязвимости и унижения. Хотя КНР стоит на пути превращения в сверхдержаву, социализм является тормозом на этом пути. В стране сохраняются противоречия по линии “город – деревня”, “прибрежный – континентальный” Китай. Отношения с ним надо строить так же, как и с СССР – жестко и прагматично, не лебезить перед китайскими руководителями, открыто говорить им, что Китай не может считаться открытой страной. Они прекрасно понимают, что повышение благосостояния людей, создание среднего класса несет угрозу их правлению. Китай по сути враждебен Западу, но китайская угроза отличается от советской тем, что Китай никогда не будет военной сверхдержавой и у него отсутствует притягательная международная доктрина.

В отличие от Китая Индия имеет унаследованную от Англии прочную и зрелую демократию. Но и она допустила ряд ошибок, увлекшись социализмом, третьим миром, поддержкой со стороны СССР. К Радживу Ганди в конечном итоге пришло понимание, что без рынка Индии не обойтись. Индия становится военной державой и противовесом Китаю. Хотя там демократия еще не полная, но если азиатские страны выберут путь Индии, а не Китая, то они будут значительно более удобными партнерами для Запада. В принципе Индию можно было бы включить в число постоянных членов СБ ООН, хотя Совет лучше вообще не расширять.

Большое место уделено т.н. государствам-изгоям, к которым, по ее мнению, относятся небольшие государства, имеющие мотивы и средства для создания несоразмерно больших проблем – Северная Корея, Ирак, Иран, Сирия, Ливия и в меньшей степени – Судан. При этом М. Тэтчер не скучится на элитете, называя, например, Сев. Корею “одним из самых закрытых и зловещих мест на земле”. Ее политика “военного вымогательства” состоит в обещании не создавать ядерное оружие в обмен на помощь. США напрасно верят таким обещаниям. Гораздо продуктивнее приостановить любую помощь Пхеньяну, оказать на него такой на-

жим, который заставит приостановить программы разработки и продажи ракет.

Отмечая слабость институтов демократии в мусульманских странах, М. Тэтчер выделяет среди них в позитивном плане Турцию – самое терпимое, прозападное и почти демократическое государство. США также важны союзники в лице Саудовской Аравии и стран Персидского залива, особенно в противостоянии Ираку. На фоне этого несколько голословным выглядит заключение, что радость иракцев по поводу ударов по США 11 сентября означает, что Ирак “помог бы любому, чтобы досадить своему главному врагу”. “Не менее отвратительный режим” находится у власти в Сирии, который в отличие от иракского замкнут на арабо-израильскую проблему. Но Сирия – бедное, истинно арабское государство с историческими корнями, над которым не висит угроза распада. С ней с определенными оговорками можно иметь дело. Ливию при М. Каддафи нельзя считать безопасной, хотя можно использовать определенные стимулы при правильном поведении. Иранские националисты стремятся подорвать мощь Америки, чтобы уменьшить ее влияние в Персидском заливе и увеличить свое. При этом Иран стоит на пороге превращения в ядерную державу.

Большой раздел посвящен проблеме свободы, прав человека и морали. В XVII в. их реализация дала Англии толчок в развитии, сузив прерогативы короля. Век спустя Англия была самой свободной страной в мире, но и этих свобод оказалось мало для американских колонистов. В Уставе ООН говорится о правах человека, но там же говорится и о том, что суверенные государства обладают полнотой власти в пределах собственных границ. В Нюрнберге был суд победителей над побежденными, но никак не суд мирового сообщества, поэтому взыывать к нему вряд ли правомерно. В то же время Сталин заслуживал той же участки, но не подпадал под определение геноцида. Так, Тэтчер выступает против Международного уголовного суда – органа невыборного, неподотчетного и наверняка враждебного. Этот суд скорее всего будет преследовать политиков и военных из законопослушных стран, а не государств-изгоев. К тому же до сих пор не существует механизма исполнения его решений. Глобальное правительство и глобальные органы можно создать, лишь подавив демократию в отдельных странах. Европейский суд тоже чрезвычайно политизирован и находится под влиянием левых. Хартия фундаментальных прав че-

ловека не отвечает интересам Англии. Все они преследуют цель подмены демократии давлением международных институтов.

Тэтчер высоко оценивает А. Пиночета вовсе не потому, что он помог Англии в ее конфликте с Аргентиной. По ее словам, он спас Чили, тем самым спас Южную Америку от разрушительного влияния левых сил. Они не могут ему этого простить и преследуют политически через эти самые институты.

Что касается Милошевича, то в интересах Запада было осуществить вмешательство на ранних стадиях, а тогда, когда вмешались, нужно было иметь еще и механизм выхода из конфликта. Впрочем, независимо от характера правонарушений, мы не сможем исправить всех и вся, признает бывший британский премьер (с. 319). В целом удары по Югославии были справедливыми. Что же касается последующего изгнания сербов из Косово – то это явилось проблемой, созданной самой войной. Косово не может оставаться в составеrudimentарной Югославии, а вечный международный протекторат там немыслим. Следовательно, в Косово необходим референдум о самоопределении. Черногорию также нельзя удерживать в составе Югославии, а с предоставлением помощи Белграду – доостеречься.

В книге много аргументов против вступления Англии в единую Европу. Европа сама всегда создавала себе проблемы, а вот их решение приходило извне. Так было и в годы Второй мировой войны. Европа – это не национальное объединение, а государство или империя, поставленная с ног на голову и противоречащая здравому смыслу. Объединенная Европа строится на подавлении (затмении) национальной самобытности. Если национализм достоин осуждения, то наднационализм – еще большего, поскольку подчиняет целые государства (с. 357). Идея единой валюты – изобретение Бонапарта. Сомнительна роль единой Европы в предотвращении конфликтов. Сегодня ее защищают США. Если единая Европа чем-то и способна очаровать, так это ее контрастами и противоречиями. Наконец, в единой Европе существуют различные концепции капитализма. Превыше всего становится социальная защищенность, а безработица, между тем, растет. Демография и неэффективные системы загоняют Европу в западню. Нежелание Европы открыто торговаться со всем миром означает нежелание принимать условия открытых рынков в своих странах. Работа Евросоюза, где гнездится много проектов и планов, напоминает неэффективную меша-

нию. Общеевропейское государство не будет демократическим. Причина этого – отсутствие паневропейского общественного мнения. Партии в Европе нацелены на обслуживание своего избирателя и, таким образом, на решение национальных проблем. ЕС организует открытый нажим на малые страны Европы – Австрию, Данию, Швейцарию, чтобы те вступили в единую Европу, и при этом демонстрирует отсутствие отчетности. Введение евро имеет скорее политический, нежели экономический смысл. Тем самым возможности национального государства противостоять экономическим потрясениям и реагировать на экономические циклы значительно сужаются (с. 384). Де-факто идет формирование альтернативы, а в худшем случае конкурирующей НАТО структуры. Но главное, что Соединенные Штаты Америки складывались под воздействием событий, а Европы – планов.

В этой связи М. Тэтчер ссылается на авторитетное мнение Черчилля, который говорил: «Мы с Европой, но не в ней». Де Голль наглядно доказал бесполезность и нежелательность идеи единой Европы. Присоединение Британии к ЕЭС также нежелательно. Единый рынок по-британски может быть построен только на уничтожении всех нетарифных барьеров. Просоциалистический крен единой Европы этого не позволяет. Британия ни в коем случае не должна отказываться от своей валюты. Предполагаемые выгоды от евро или незначительны, или могут быть получены иными средствами. Важно избегать ненужных изменений.

Что же видит М. Тэтчер взамен единой Европе? Европу многовариантную на основе различного уровня кооперации и интеграции. Но раз уж тенденция налицо, то Британия должна использовать во взаимоотношениях с Европой свои плюсы – то, что страна является нетто-импортером, рыбные запасы территориальных вод и т.п. В принципе Британии выгоднее присоединиться к НАФТА как ассоциации свободной торговли в составе США, Канады и Мексики, нежели к политическому союзу в лице единой Европы. Еще одной альтернативой европейскому объединению может быть создание глобальной зоны свободной торговли.

Заключительный раздел книги представляет собой эссе-размышление о судьбе капитализма в наши дни. Тезис Адама Смита о том, что рынок является важнейшим средством удовлетворения потребностей человека, а его движущей силой – эгоизм – не совсем верен. Использование стремления человека к собственному индивидуальному

благу в подавляющем большинстве случаев лучше всего позволяет удовлетворить потребности всех. В противоположность А. Смиту Тэтчер больше солидаризируется с идеей Ф. Хайека о самопроизвольном порядке в обществе, который возникает без вмешательства центральной власти.

Она видит 5 условий эффективной работы капитализма. Это частная собственность, господство права (произвол и непредсказуемость несовместимы с созданием богатства), культура (любознательность, творческое воображение, изобретатель-

ность, прилежность, готовность принять риск), несходство государств и конкуренция, благоприятное налогообложение и регулирование. Своему развитию Европа обязана своеобразию путей.

Богатство несет облазны, но и бедность – тоже. Проблема морали, следовательно, стоит в том, как мы распоряжаемся своим богатством. Чем свободнее экономика, тем выше доход на душу населения. Это один из главных выводов автора, в котором она видит путь к более стабильной и справедливой мировой системе.